

Глава 1

Я сидела в небольшом и не очень-то уютном, несмотря на все мои старания, служебном кабинете. На подоконнике было полно цветов, но окно выходило на глухую кирпичную стену, и солнце никогда в него не заглядывало. Но это еще полбеды. Внизу, на первом этаже, постоянно громыхал пресс. От этого шумового сопровождения уже к обеду можно было сойти с ума. Хотелось все бросить и бежать в отдел кадров увольняться. Но у меня, как у юриста, иногда появлялась законная возможность покинуть территорию завода, чтобы представлять наши интересы в Арбитражном суде или встретиться с проблемными контрагентами.

Такие некомфортные условия труда, конечно, были временными трудностями, причем не только моими. Многие сотрудники терпели лишения и неудобства в связи с реконструкцией завода. На время ремонта отделы разбросали по различным корпусам. Меня вот пристроили в эту каморку, в которой раньше размещался склад спецодежды.

Итак, я сидела в своем временном служебном кабинете и изучала проект договора о поставке красного кирпича новому потребителю. Неожиданно в кабинет ввалилась наша кассирша Лера Гуль-

ВСЕ ПРОТИВ КОРОЛЯ

кина, которая упорно набивалась мне в подружки. Но я всегда старалась держаться от нее на расстоянии. Она болтала без умолку, но еще ни разу не изрекла ничего достойного внимания. К тому же у нее было просто маниакальное стремление завязать с кем-нибудь роман с самыми серьезными намерениями, а в связи с этим она постоянно приглашала меня на какие-нибудь тусовки.

— Полина, ты еще здесь? А я думала, что только я одна задержалась в кассе, потому что деньги на представительские расходы выдавала.

— Какие расходы? — автоматически переспросила я, продолжая смотреть в договор.

— Представительские. После открытия цеха банкет будет, — шепотом сообщила мне Валерия, — ну не для всех, конечно, а для избранных...

— Ну еще бы! После последнего корпоратива некоторым до сих пор икается. Пятерых уволили, четверых понизили в должности. Остальные отделались легким испугом — лишением премии. Не стоило им забывать, что даже за столом надо вести себя комильфо, — проговорила я.

— Ты хочешь сказать, они ели без ножа? — брякнула Лерка, не подумав. Это было на нее очень похоже.

— Не в том дело. Они говорили за столом то, что не сказали бы в рабочее время. А болтун — находка для нашей Аронкиной, — я упомянула про начальницу отдела кадров, которая даже на вечеринках была настоже.

— Ну неужели и на празднике нельзя расслабиться? — фыркнула Гулькина.

— Нельзя. Даже в пылу праздничной раскованности не стоит забывать о служебной субординации, — говорила я самым скучным тоном, надеясь,

что Валерия оставит меня в покое. Но она не собиралась этого делать и вертелась перед зеркалом. — Да и в одежде тоже надо быть скромнее. Некоторые забывают, что неэтично быть одетым лучше и дороже своего начальника.

— Помню, помню, Иванова обвесилась бриллиантами, а ее начальница даже искусственных камешков не может себе позволить. Оно и понятно, ее муж ведь уже год к постели прикован... Слушай, так поэтому Иванову уволили? — Лера просто остолбенела. Переважив информацию, она сказала: — Да, последний корпоратив кое-кому вышел боком. Хотя одного все-таки повысили!

— Тугулева, этого подхалима? Его бы так и так повысили.

— Допустим, но Танька свою личную жизнь устроила, — Гулькина швырнула в меня очередной аргумент.

— Какая Танька?

— Так ты ничего не знаешь? Ну конечно, ты теперь сидишь в этом кабинете, на самом отшибе, поэтому до тебя слухи еще не дошли. Так вот, Танька Левзина, контролерша ОТК, сумела завязать на вечеринке роман с системным администратором. Говорят, дело идет к свадьбе, — Лерка мечтательно вздохнула. — Я бы тоже могла Авдошина охмурить, но он не в моем вкусе, низкий слишком, а я девушка высокая... Так что, Полина, ты не права! От корпоративных праздников есть практическая польза.

— Не уверена. Один положительный результат против девяти отрицательных. Счет говорит сам за себя.

— Поля, ну какая ты скучная! Впрочем, кое в

ВСЕ ПРОТИВ КОРОЛЯ

чем ты права. Пить у нас не все умеют, и руководство на этот счет сделало определенные выводы. Кудринцев не хочет ударить в грязь лицом при мэре, поэтому в этот раз все будет по-другому. От полного корпоратива отказались. В отремонтированном зале заседаний накроют фуршетный стол для городского главы и нашей верхушки.

— Правда? Мудрое решение.

— Поля, честно говоря, я думала, тебя туда пригласили... Все-таки ты — единственный на заводе юрист.

— Нет, к счастью, на это мероприятие меня не позвали.

— Почему к счастью? — обалдела Лерка. — Я бы с удовольствием посидела с мэром за одним столом. Он такой душка!

— Но он женат, — заметила я.

— Подумаешь, проблема! Жена — не стенка, можно и подвинуть! — размечталась Гулькина, но, наткнувшись на мой скептический взгляд, спустилась с облаков на землю. — Ладно, все, молчу. Пусть фуршет пройдет без нас, не очень-то и надо.

— Наконец ты это поняла.

— Поля, а что это ты тут вся в делах? Что у тебя там? — Лера засунула свой длинный нос в мои бумаги.

— Ничего особенного, но до отпуска с этим нужно непременно разобраться, — сказала я и закрыла папку, все равно состояние делового равновесия было безвозвратно нарушено.

— Ах да, я совсем забыла, что ты собралась в отпуск! Везучая, а я его уже отгуляла. Ладно, нам пора идти, а то без нас начнут. Все, ну кроме тех, кто занят на непрерывном цикле, уже давно в новом цеху.

Телевидение тоже там. Поля, нам надо пролезть в первый ряд, чтобы обязательно по «ящику» показали. Я даже по этому поводу вот это платье купила. — Гулькина встала со стула и кокетливо повернулась, демонстрируя мне обнову. Как ни странно, но платье мне понравилось. Оно было с глубоким, но не чрезмерным вырезом, модными рукавами-фонариками, завышенной талией, посаженной на корсет, и струящейся юбкой до колен. Существовало только одно «но» — цвет ядовитой фуксии, который делал Лерку жутко вульгарной особой. — Ну как?

— Впечатляет, — призналась я и спросила: — Лера, неужели ты так сильно хочешь, чтобы тебя показали по телевизору?

— А разве ты не хочешь? — удивилась кассирша. — Полина, ну пойдем уже! Мэр с минуты на минуту подъедет, и церемония открытия начнется. Если мы встанем рядом с директором, а лучше рядом с мэром, который будет разрезать красную ленточку, то обязательно попадем в кадр. Такой шанс раз в жизни выдается!

— Лера, ты, конечно, иди, не буду тебя задерживать. Может, действительно повезет, и ты войдешь в кадр. А у меня тут еще работа есть. Как освобожусь, подойду.

— Поля, ну какие дела? Что за приступ трудоголизма в пустом офисе! Даже пресс этажом ниже не работает. Сегодня же праздник! — Гулькина сделала акцент на последнем слове. — Новое производство открываем! А наш завод — градообразующий, все вокруг него вертится! Вот скажи, когда в Горовске еще событие такого масштаба предвидится?

— Думаю, что не скоро, — согласилась я.

ВСЕ ПРОТИВ КОРОЛЯ

— Вот и пойдем, а то самое интересное пропустим!

— Ладно, пошли почтим своим присутствием начало новой вехи в истории нашего города, — сказала я, встала из-за стола и пошла к двери.

— Подожди! — крикнула Лера во весь голос, и я даже вздрогнула от неожиданности.

— Что еще?

— Неужели ты даже губы не накрасишь? Что-то они у тебя смазанные. Кофейком, наверное, баловалась?

— Да, пила недавно кофе, — призналась я и посмотрела на свое отражение в зеркале. Оно мне понравилось даже с ненакрашенными губами. — Ладно, Лера, все нормально, пойдем!

— Нет, так дело не пойдет! Говорю же, там телевидение! Надо выглядеть на все сто!

— Ну хорошо, сейчас накрашу губы, если ты на этом настаиваешь. — Я вернулась к столу, вынула из сумки помаду и снова подошла к зеркалу.

Пускаться в дальнейшие пререкания с Гулькиной мне совсем не хотелось. Она бы все равно не поняла, почему я не чувствую праздника и почему не стремлюсь попасть в «кадр».

— Ну вот, совсем другое дело! — Лера потянула меня за руку, и мы длинными коридорами пошли в новый цех. По дороге она трещала без умолку о том, что сегодня великий день.

Кассирша была права — вся заводская жизнь сконцентрировалась именно в новом цеху. Оживление там было немыслимое. На лицах заводчан была такая радостная просветленность, что я сразу почувствовала себя лишней. А Лерка тащила меня

вперед, туда, где телевизионщики брали интервью. Популярная горовская телеведущая Нонна Меличковская задала вопрос начальнику цеха, а в ответ послышался целый хор голосов, унять который было невозможно. Все чувствовали себя причастными к предстоящему событию, абсолютно все. Но громче остальных кричала уборщица Катерина Ивановна, кстати, что-то насчет праздника. Потом прошел шепоток, что приехал мэр, а с ним еще несколько городских чиновников. Для их прохода к красной ленточке, за которой стояли новые автоматы, быстро организовали коридор. Гулькина умудрилась пристроиться сразу за руководством, чтобы удачно позиционировать себя перед телекамерами. На ее счастье, никакой охраны у высокопоставленных гостей не было. Мэр Бурляев в отличие от предшественника любил подчеркнуть свою демократичность.

Я намеренно отстала от Валерии и даже попятилась назад, чтобы попасть через запасной выход на свежий воздух. Но пути к отходу были перекрыты плотным кольцом заводчан. Зажатая в толпе, я была вынуждена слушать длинные речи, предвещающие торжественный акт разрезания алой ленточки.

Первым ударился в ностальгические воспоминания Кудринцев, наш генеральный директор:

— Я пришел на этот завод еще совсем зеленым мальчишкой. Помню, как сейчас, тот первый брус, такой гладкий, с влажными боками, который медленно вытягивался из стального «мундштука» и тут же попадал под ритмичные удары проволочного ножа. Сейчас, по прошествии стольких лет, могу вам

ВСЕ ПРОТИВ КОРОЛЯ

признаться, что я тогда испугался — смогу ли этим процессом управлять, сдюжу ли?

— Еще как смог! — крикнул из толпы какой-то подхалим.

— Да, действительно смог, — подтвердил Владимир Дмитриевич. — А проработав месяц-другой, я даже стал получать удовольствие, глядя на то, как автомат четко режет глиняные бруски на ровные красные кирпичики... Тот автомат больше тридцати лет держит установленный ритм, без усталости пружинит вверх-вниз, снова вверх-вниз... Нет, он до сих пор не устал и не выдохся. Но что такое сегодня пятьдесят тысяч кирпичей в смену? Это — мелочи! Пришли новые, прогрессивные технологии... Дорогие мои заводчане, нам с вами посчастливилось стать свидетелями того, как появится на свет первая легкая, но прочная и теплая стеновая сэндвич-панель...

Народ позади меня неожиданно рассосался, и я вышла из цеха на свежий воздух, в небольшой дворик между двумя Г-образными заводскими корпусами. Там не было ни души, только стенд с фотографиями передовиков производства. Вот к нему-то я и подошла, от нечего делать. Честно говоря, мне было не по себе оттого, что я одна не ощущаю на душе праздника, не жажду попасть в «кадр» и не мечтаю стать свидетельницей того, как из базальтового сырья спрессуется первая стеновая плита. Но что поделаешь, мне не присуще лицемерие, а потому я не могу восхищаться процессом, в котором нет никакой красоты и романтики. Но неужели все остальные заводчане лицемерны, или они в отличие

от меня способны разглядеть в грубом производственном процессе творчество созидания?

Впрочем, церемония открытия нового цеха постепенно стала наскучивать отдельным рабочим и служащим. Кто-то вышел из цеха покурить, а кто-то просто поболтать. Я как-то сразу оказалась в центре внимания рабочих — ветеранов производства, тех самых, чьи фотографии висели на Доске почета.

— Полина Андреевна, вот скажите нам, пожалуйста, почему людей с улицы набрали в новый цех? Неужели никто из моих ребят с корейским оборудованием бы не справился? — вопрошал седоволосый мастер цеха со смешной фамилией Копчик.

— Ну это вопрос не совсем по адресу, я ведь кадрами не заведу, — заметила я. — Вам надо было заблаговременно обратиться в службу персонала и дать рекомендации своим подопечным.

— Да обращался я, вот насчет него хлопотал, — Копчик показал на высокого молодого человека, стоящего рядом с ним. — Но все без толку, никто к моему мнению не прислушался.

— Похоже, я всю жизнь на глиномешалке работать буду, — сумрачно заметил тот. — Между прочим, я техникум с красным дипломом окончил, и мне даже обещали, что переведут в новый цех. Но дальше слов дело не пошло, туда почему-то новичков с улицы набрали. Где справедливость?

— А я тоже не хочу вкалывать до пенсии у сушильной печи, — пожаловался мужчина лет сорока с хвостиком. — Здоровье уже не то. Полина Андреевна, вы ведь юрисконсульт, так?

— Именно так, — подтвердила я.

— Так вот скажите, разве наши права не наруше-

ВСЕ ПРОТИВ КОРОЛЯ

ны? Я раньше всех написал заявление с просьбой о том, чтобы меня перевели из жаркого цеха на «сэндвичи». А Колька Почивилин даже не думал об этом, так ему в отделе кадров сами предложили туда перейти. Там ведь и зарплата выше, и условия труда щадящие! А чем он лучше меня? Он ведь на заводе без году неделя, и ему так подфартило!

— Да, Полина Андреевна, почему такое неуважение к проверенным рабочим? — не унимался Копчик. — Разве они не заслужили лучших условий труда?

Я не знала, что ответить на эти вопросы. Не была к ним готова. Но, выслушав жалобы рабочих, поняла, что не я одна не чувствую сегодня праздника. Кое для кого открытие нового цеха — это личная драма. Оказывается, отдельно взятые рабочие возлагали большие надежды на новое производство, но зря. Их просто-напросто кинули. Если бы они пришли ко мне раньше, хотя бы неделю назад, я бы попыталась что-то для них сделать. А теперь их справедливые претензии, заставшие меня врасплох, вряд ли можно было удовлетворить.

В дверях запасного выхода показалась Аронкина, начальница отдела кадров. Она внимательным взором обвела всех тех, кто игнорирует праздничную церемонию, и быстрым шагом, не соответствующим ее тучной фигуре, направилась к Доске почета.

— Хорошо, я обязательно разберусь, почему ваши заявления с просьбой о переводе в новый цех не были рассмотрены положительно. А сейчас давайте вернемся туда и посмотрим, что там все-таки происходит, — сказала я и пошла к цеху, чтобы лишить

Надежду Степановну удовольствия высказать нам свои претензии.

Едва я сделала несколько шагов, как прогремел взрыв. От неожиданности я застыла как вкопанная, соображая, что случилось. Во всяком случае, на праздничный салют это не было похоже. Через несколько секунд во дворик стали выбегать люди с искаженными от страха лицами. Началась натуральная паника.

— Что случилось? Что там произошло? — спрашивала я, но на меня никто не обращал внимания. Люди метались по заводскому дворику. Мой мозг был слишком ошарашен, чтобы дать собственную оценку происходящему.

— Похоже, там что-то взорвалось, — высказался Копчик.

— Наверное, диверсия, — не без злорадства предположил молодой человек, которого не перевели на новое место работы.

Двор постепенно заполнялся заводчанами. У некоторых лица были в копоти, а кое у кого даже в кровавых подтеках. Резкая смена впечатлений сильно повлияла на общее настроение. Народ был так напуган произошедшим, что никто толком не мог ответить на наши вопросы. Только шустрая уборщица Катерина Ивановна не потеряла присутствия духа, вышла в центр и стала излагать свою версию:

— Бомба взорвалась. Теракт, наверное. Думаю, покушались на мэра. Вот сволочи! Такой праздник испортили! Вы бы видели, что там творится! Полце-ха в клочья разнесло! А кто убирать потом все эти осколки будет? Неужели я? Ну уж нет!

ВСЕ ПРОТИВ КОРОЛЯ

— Да не трынди, Ивановна! — осадил ее электрик. — Скажешь тоже — полцеха! Ну выбило взрывной волной одно стекло, так от этого никто вроде не пострадал. Хорошо, что оно на ту сторону выходит, а там — пустырь. И никакая это не бомба, а новый автомат взорвался, едва его запустили. Похоже, смонтировали его неправильно. Элементарное нарушение техники безопасности. Кто-то за это заплатится...

— А люди? Кто-нибудь серьезно пострадал? — спросила я.

— Мэр живой, это точно! — крикнул кто-то из толпы.

— Парнишка новенький пострадал, тот, что автомат запускал. Его к стене откинуло, и на него осколки стекла упали. А что потом было, я не видел, — сказал начальник транспортного цеха, — я сразу стал в службу спасения звонить.

После этого заводчан прорвало. Осознав, что их жизни уже вне опасности, очевидцы стали наперебой рассказывать о том, что произошло в цеху, но их мнения сильно разнились друг с другом. Одни утверждали, что жертв много, даже директор обгорел. А другие говорили, что Кудринцев с мэром находились дальше всех от эпицентра взрыва. Я не знала, кому верить и насколько серьезны последствия случившегося. Ясно было одно — вместо запланированного праздника произошло чрезвычайное происшествие, от которого заводчане еще долго не отойдут.

Прорваться внутрь здания и посмотреть своими глазами на то, что там происходит теперь, было не-

Марина СЕРОВА

возможно. Ласточкин, инженер по технике безопасности, выставил у входа пост, поэтому в цех меня, да и остальных желающих поглазеть на «поле боя», не пустили. Тогда кто-то залез по трубе на карниз и стал наблюдать за происходящим в цеху через окно и рассказывать нам.

Так мы узнали, что первыми к основным воротам подъехали пожарные машины, хотя огонь оперативно потушили собственными силами. Затем подоспели две кареты «Скорой помощи» и милиция. Позже выяснилось, что серьезно пострадал только один человек. Тот самый молодой рабочий, которому позавидовали ветераны, потому что именно ему было предоставлено почетное право запустить новую линию. Его на носилках отнесли в машину «Скорой помощи». Осколки задели еще нескольких человек, в том числе телеоператора, но им всем оказали медицинскую помощь на месте.

Версия о том, что это было покушение на мэра Бурляева, ходила из уст в уста. Он сам и его свита как-то быстро и очень тихо уехали. Телевизионщиков попросили немедленно покинуть территорию завода. Новый цех оцепили сотрудники милиции, внутри стали работать эксперты. Руководство завода вместе с подполковником из городского управления внутренних дел и еще каким-то высоким представителем мужчиной лет сорока пяти, одетым в строгий черный костюм, наверное, фээсбэшником, закрылось в кабинете директора. Все остальные сотрудники завода тоже разбрелись по своим местам. Праздника не состоялось, но и рабочий день тоже не отменили, что мне было на руку. Я должна была

ВСЕ ПРОТИВ КОРОЛЯ

до отпуска закрыть все нерешенные юридические вопросы. Правда, после взрыва настроение было далеко не рабочим.

* * *

Дед постоял около открытой двери в мою комнату, послушал игру, качая головой, и сказал:

— Я, конечно, понимаю, что саксофон не создан для суперлегких пассажиров, но к чему такая тягучая безнадежность, смешанная с крикливостью? Полетт, что-то случилось?

Я положила саксофон на диван и спросила:

— А разве ты не знаешь, что случилось? Удивительно, что до тебя слухи еще не докатились.

— Ты это о чем? — Дед настороженно вошел в мою комнату. — Полетт, у тебя такое выражение лица, будто настал конец света. Слышишь, не томи старика! Говори живо, что произошло?

— Я думала, что о взрыве на нашем заводе уже весь город галдит и ты в курсе.

— Да я сегодня никуда из дома не выходил, спал весь день, — сказал дед и зевнул.

— Снова всю ночь в казино пропадал, — упрекнула я его. — В твоём возрасте такой режим противопоказан.

— Ничего, я привык к ночной жизни, а в «Крестовом короле» сегодня ночью прелюбопытнейшая игра была. Я не мог ее пропустить. Но речь не об этом. Ты про какой-то взрыв сказала? Что взорвали? Неужели в Горовске террористы объявились?

— Сегодня у нас на заводе взорвался новый автомат, один человек серьезно пострадал. Не думаю, что это теракт, хотя все может быть...

Марина СЕРОВА

— Вот дела, — дед уселся в кресло, впечатленный моей новостью. — Но у вас же там сегодня торжество нешуточное намечалось...

— Намечалось, а в итоге вышло все по-другому, — я рассказала деду подробности чрезвычайного происшествия.

— Да, непонятная история, — мой прародитель задумался. — Нет, не похоже, чтобы это было покушение на Бурляева, он вроде бы всех в городе устраивает... Во всяком случае, я не знаю такой силы, которая хотела бы его устранить. Может, вашему Кудринцеву кто-то хотел подлянку устроить? Полетт, ты сама-то что об этом думаешь?

— Если честно, то я до сих пор в шоке. При самом неблагоприятном раскладе я могла бы и калечкой стать. Лерка Гулькина, наша кассирша, все лезла и лезла вперед, чтобы в телекамеру попасть, и меня за собой тащила. Только я отстала, а ей осколки лицо посекли.

— Ой-ой-ой, какая неприятность, — дед покачал головой. — Жалко девушку. Это такая высокая и кудрявенькая, да?

— Она самая. Дедуля, да ты за Гулькину особо не переживай! Я несколько преувеличила степень ее травмированности. На самом деле Лера не слишком серьезно пострадала. Так, две мелкие царапины. До свадьбы, как говорится, заживет, но все равно неприятно. Я как чувствовала, что-то будет, поэтому вышла из цеха, но потом хотела вернуться. Еще несколько секунд и...

— Знаешь, береженого бог бережет, — перебил меня дед. — Хорошо то, что хорошо кончается. Ты

ВСЕ ПРОТИВ КОРОЛЯ

физически не пострадала, и слава богу. А вот взвинчивать себя не надо. Успокойся!

— Уже успокоилась. Вот поговорила с тобой и успокоилась.

— Вот и хорошо. А то я просыпаюсь и слышу какие-то зауспокойные звуки. Никогда еще ты с таким надрывом не играла. Полетт, ну-ка посмотри на меня! Ты ведь не чувствуешь своей вины? Другие, мол, пострадали, а меня там не было... Ни о чем таком не думаешь, нет? — Дед Ариша лукаво прищурился.

— Нет, конечно, никакой вины я не ощущаю. Знаешь, дедуля, меня вдруг посетило другое чувство. Мне кажется, что я чего-то не понимаю.

— Ну-ка объясни, что именно ты не понимаешь? — Дед проявил живой интерес к моей озабоченности.

— У меня такое ощущение, что мимо меня прошло нечто важное. Я имею в виду идею о закладке нового производства. Честно говоря, я не знаю, с чего вдруг Кудринцев решил закупить корейские автоматы. Понимаешь, выпуск сэндвич-панелей не имеет ничего общего с технологией производства красного кирпича. С таким же успехом такой цех можно было и на хлебокомбинате открыть или на птицефабрике. Были бы свободные площади!

— Полетт, эти «сэндвичи» не едят, из них дома строят! Лично я не вижу ничего предосудительного в том, что на «Красном Октябре», кроме кирпича, другие стройматериалы стали бы выпускать. Не морочь свою красивую голову чужими заботами!

— Дед, я чувствую, здесь что-то не так. Старых работников в новый цех не допустили, набрали юнцов с улицы, будто что-то скрыть хотели...

Дед скептически поджал губы. Ему не нравилось, что я хочу докопаться до истины. Впрочем, я пока еще не знала, хочу ли этого, или завтра взрыв нового автомата будет мне уже неинтересен. Я молчала, а дедуля спросил:

— Ты, кажется, сказала, что телевидение у вас на заводе было? На пленку все записывали, значит?

— Да, записывали.

— Тогда давай посмотрим, что в местных новостях покажут, — дед взглянул на часы. — Вот, они как раз через пять минут начнутся.

Я включила телевизор, села рядом с прародителем и положила голову на его плечо. Он меня обнял. Так мы просидели полчаса в ожидании сенсационной информации. Как ни странно, о чрезвычайном происшествии на заводе «Красный Октябрь» не было сказано ни слова.

— Странные дела, — сказал дед, отключив пультом звук, — событие ведь из ряда вон выходящее — мэр приехал на праздник, а попал на похороны.

— Дед, не каркай, тот парень не умер!

— Да я не про отдельно взятого рабочего говорю, а про завод в целом. Если про то, что там сегодня произошло, в эфире ни слова не было сказано, это действительно наталкивает на серьезные размышления. Ладно бы, простые горовские обыватели не ждали никаких репортажей с «Красного Октября», а то ведь ждали, еще как ждали! А тут — молчок. Но слухи по Горовску все равно поползут... Болтливость — это один из самых тяжких грехов, причем подавляющее большинство людей потонуло в этом грехе с головой. Завтра же все население нашего городка будет знать о взрыве такие подробно-

ВСЕ ПРОТИВ КОРОЛЯ

сти, которых на самом деле не было. Репортаж с места происшествия мог бы пресечь все досужие вымыслы, сгладить углы, но его не было. Странно, очень странно... Полетт, знаешь, что я по этому поводу думаю?

— Что?

— Там, — дед Ариша поднял указательный палец кверху, — сейчас решают, в каком ракурсе представить ЧП. Вот как решат, в таком контексте и доведут до нас последние новости. Но это будет лишь завтра. Ладно, Полетт, не будем себе ломать голову, пусть это за нас делают другие. Им за это деньги платят. Сыграй-ка мне лучше на саксе что-нибудь жизнеутверждающее!

Я посмотрела на деда и поняла, что с возрастом к нему пришло удивительное спокойствие, даже хуже — успокоенность. Мир будет вокруг рушиться, но если его и меня лично это не касается, то он на это никак не отреагирует. Нет, заставлять его до глубокой старости быть Дон Кихотом я, конечно, не собиралась, но вот играть веселый мотивчик тоже не хотелось.

— А может, лучше спустимся вниз и поужинаем? — предложила я. — Что-то у меня аппетит разыгрался.

— Тоже неплохая идея, — согласился Ариша и поднялся с кресла. — Тем более я голоден как волк. У меня сейчас будет три в одном: завтрак, обед, ужин.

— Дедуля, такое чревоугодие вредно для здоровья. Обойдемся одним, но плотным ужином.

На следующий день, в утренних новостях, также не было никаких сообщений о чрезвычайном происшествии на «Красном Октябре». Ариша отнесся к этому с известной долей юмора, он сказал:

— Полетт, это нормально. О нашем светлом будущем вовсю пекутся политики, о светлом прошлом — историки, а о светлом настоящем — журналисты. Зачем начинать новый рабочий день с трагических событий?

— Возможно, ты прав, — согласилась я.

Мой дед частенько и во многом оказывался прав. Оно и понятно, ведь жизненного опыта у него было предостаточно. А жизнь его была очень непростой. Кто Ариша по профессии? Тс-с, секрет... Впрочем, сейчас он уже не делает из этого особую тайну, как во времена своей бурной молодости. Нет, мой дедуля не разведчик и не тайный агент службы безопасности. Он карточный игрок. Это и его профессия, и стиль жизни, ведь по своей натуре мой дед необычайный интриган и почти народный артист.

Что касается его личной жизни, то Аристарх Владиленович прожил в браке всего несколько лет, потом его супруга умерла от онкологического заболевания. Теща обвинила моего деда в том, что именно он своим разгульным образом жизни довел жену до болезни, забрала у него сына и воспитывала Андрюшу сама практически до его совершеннолетия. Аристарх Владиленович сблизился со своим сыном, моим отцом, только после того, как теща перешла в мир иной. Но так уж распорядилась судьба, что ему снова пришлось пережить боль утраты.

ВСЕ ПРОТИВ КОРОЛЯ

Когда мне было четырнадцать лет, мои родители погибли в автомобильной катастрофе по вине пьяного водителя. Тот отделался лишь несколькими ссадинами, а до суда дело не дошло. Случилось это потому, что в машине ехал прокурор нашего города. Используя свое высокое служебное положение, Синдяков просто-напросто замял то дело.

Ариша взял все заботы обо мне на себя. Благодаря его стараниям я ни в чем не знала нужды. Мне посчастливилось учиться в элитной школе с углубленным изучением иностранных языков. Затем я поступила в только что открытый в нашем городе вуз, на самый престижный факультет. Дед очень гордился тем, что смог дать мне хорошее образование.

Конечно, вокруг Аристарха Владиленовича постоянно крутились разные женщины, но все их посягательства на его свободу он обрубал сразу же на корню. Дед не раз повторял мне, что он стал убежденным холостяком...

Глава 2

Первые дни отпуска я занималась исключительно домашними делами. Взрыв на заводе как-то быстро отошел на задний план. Я о нем практически уже не вспоминала. Наверное, это было результатом информационной блокады. Средства массовой информации по-прежнему молчали о ЧП на «Красном Октябре», а с заводчанами я не общалась. Удивительно, но даже Лерка Гулькина мне не звонила. Через несколько дней я уже стала подумывать о том, чтобы съездить на недельку на юг, но тут мне позво-

нила начальница отдела кадров и в категоричной форме потребовала прийти на работу.

— Но у меня уже путевка на руках, — соврала я.

— Ничего с тобой не случится, если выйдешь на денек на завод, — заявила Аронкина. — Обстоятельства настойчиво требуют твоего присутствия. Или мне тебя приказом отзывать? Будешь догуливать отпуск зимой!

— Хорошо, я выйду завтра на работу, — согласилась я, выбрав из двух зол меньшее.

«Красный Октябрь» работал в своем привычном ритме. Только в новом цеху так и не было запущено оборудование. Работы, которая настойчиво требовала моего присутствия на заводе, я не нашла. Мне даже показалось, что Аронкина отозвала меня из отпуска по вредности своего характера. Около десяти утра дверь моего кабинета неожиданно отворилась и перед моим взором предстала, заслоня собой весь дверной проем, начальница отдела кадров.

— Полина Андреевна, вы, конечно, сейчас в отпуске, но тем не менее вас тоже это касается, — начала она без всякого приветствия и даже строжайше пригрозила мне пальцем.

Удивившись, я спросила:

— Надежда Степановна, что именно меня касается?

— Не умничай, Казакова! Собрала во время церемонии открытия вокруг себя толпу и устроила юридическую консультацию. Ой, доиграешься, Полина! — Кадровичка не только перешла на «ты», но и назидательно покачала головой.

— Полина Андреевна, — поправила я ее с чувством собственного достоинства.

ВСЕ ПРОТИВ КОРОЛЯ

— Значит, так, — Аронкина уперла руки в бока и уставилась на меня тяжелым испытующим взглядом. Она думала, что этот взгляд парализует мой острый язык. Как же она не отгадала! Мне было не страшно, а смешно, потому что я представила ее в нелепой клоунской одежде с красным поролоновым шариком на носу и кудрявыми рыжими волосами. — Ты чего лыбишься? Я как-то смешно выгляжу, да?

Я пожала плечами и напонила:

— Надежда Степановна, вы хотели мне что-то сказать, даже из отпуска вызвали ради этого. Я вас слушаю.

Большинство сотрудников завода в присутствии Аронкиной мгновенно напрягаются, теряют дар речи, а если и говорят, то совсем не то, что думают. Такая реакция была в какой-то степени оправданной. Во-первых, будучи начальником отдела кадров и женой двоюродного брата генерального директора, она обладала определенными властными полномочиями. Во-вторых, у нее были внушительные габариты, которыми она просто задавливала. Когда надвигается этот центнер с лишним живой массы, многие сразу же капитулируют. Я же хоть и весила вдвое меньше ее, но никогда не страдала пониженной самооценкой. Надежда Степановна закрыла дверь и прошла в кабинет.

— Полина Андреевна, дело в том, что у нас каждый рабочий мнит себя детективом, выдвигает свои версии случившегося. Завод бурлит разными слухами, словно долина гейзеров. Это ненормально, даже аморально. Так вот, я хочу вам сказать, что все

эти слухи надо пресекать в корне. Вы меня понимаете?

— Знаете, Надежда Степановна, я предпочитаю пользоваться исправным телефоном, а не испорченным.

— Что? — Аронкина вылупила на меня свои маленькие, глубоко посаженные глазки. — А, ну да, я поняла. Это — аллегория, испорченным телефоном обычно называют сплетни. Красиво сказано, очень красиво. Ну конечно, вы же умная, образованная девушка, юрист по профессии... Но ведь расследование причины ЧП не входит в ваши должностные обязанности, не так ли?

— Да, не входит, — согласилась я. — Но когда писали мою должностную инструкцию, то, наверное, не думали о том, что на заводе возможны катастрофы. Или вы меня как раз для расследования пригласили?

Кадровичка впала в ступор, но потом заставила себя растянуть рот в бледном подобии улыбки. Правда, она не оживила ее лицо, а сделала его каким-то «деревянным». Я вообще впервые видела, как Аронкина улыбалась. У нее всегда было одно и то же суровое выражение лица, вызванное критическим отношением к окружающим. После некоторой паузы она наигранно воскликнула:

— Ой, Полина, ну какая ты шутница! Жаль, что мы с тобой никогда раньше вот так близко не общались, очень жаль. Но ты приходи ко мне в любое время, поболтаем за чайком.

Это предложение меня удивило. Наверное, осознав, что давить на меня бесполезно, Надежда Степановна моментально перестроилась и отказалась

ВСЕ ПРОТИВ КОРОЛЯ

от ультимативной формы общения. Но даже вежливость бывает колкой, когда так нарочито подчеркивается.

— Вы меня на чаепитие домой к себе приглашаете или в кабинет?

— Да, тебе палец в рот не клади, — Аронкина ухмыльнулась, затем резко развернулась и пошла к двери. Потом вдруг остановилась, наверное, о чем-то размышляла, повернулась ко мне вполоборота и сказала: — В общем так, Полина, с тобой, как и с другими сотрудниками завода, хочет побеседовать следователь из прокуратуры. Вот поэтому я тебя сюда и пригласила. Не надо с ним умничать, ладно? Отвечай только на поставленные вопросы, а со своим мнением вперед не лезь. Если оно у тебя имеется, то оставь его при себе. Ясно?

— Яснее не бывает.

— Вот и замечательно! Кстати, можешь и домой ко мне прийти, только предупреди заранее. А насчет разных слухов, так я думаю, ты все поняла, да? — Надежда Степановна подмигнула мне.

Похоже, она хотела, чтобы я передавала ей содержание этих слухов, не забыв упомянуть об авто-рах. Как бы не так! На меня нахлынула волна негодования, но я не проронила ни слова, помня о том, что скромное молчание — лучший довод в споре с руководством. Не дождавшись моего ответа, Аронкина ушла.

Визит начальницы отдела кадров ввел меня в удушливое состояние неопределенности. Аронкина явно чего-то опасалась. Но чего? Наверное, в слухах, что циркулировали по заводу, была истина, которую хотели скрыть. Кто и от кого? На первый

взгляд это был очень простой вопрос. В том, чтобы сор не вынесли из избы, был заинтересован генеральный директор. Аронкина предана Кудринцеву как собака, вот и взялась за работу. Но где гарантия, что кто-то не проболтается членам комиссии? Такой гарантии нет. Кажется, Надежда Степановна намекала мне на то, чтобы я стала наушничать. Это позволило бы выявить того, кто много знает, и вовремя нейтрализовать его. Наверное, она не мне одной сделала такое предложение. Только мне она дала понять, что мы можем стать подругами со всеми вытекающими отсюда последствиями. А других, вероятно, «уговаривала» как-то иначе — кого кнутом, а кого пряником. Жалко, Лерка на больничном, она бы мне рассказала, в каком ракурсе с ней велась беседа.

«Итак, по факту взрыва возбуждено уголовное дело. Действительно, каковы же причины того ЧП? Может, это типичное для русского человека разгильдяйство? Или саботаж, устроенный рабочими, не попавшими в новый цех? А если то был теракт, направленный против мэра? — размышляла я. — Ясно одно: меня вызвали на завод, потому что сегодня следователь прокуратуры общается здесь с сотрудниками. Аронкина предварила нашу беседу какими-то туманными предостережениями. Кажется, ее пугают слухи, которые могут дойти до прокуратуры. Интересная композиция, над ней надо хорошенько подумать».

Я включила чайник и стала насыпать в чашку кофе. В этот момент зазвонил мой мобильный телефон.

— Алло, — сказала я.